

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

УДК [811.161.1'01+811.14'02]'373.611

НИЗАМЕТДИНОВА Надира Хомятовна,доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания
Московского государственного областного университета; Москва, Россия;
e-mail: n3@list.ru; тел.: 007 499 3235047; моб.: +7 8 916 9509083**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКОЕ
СЛОВОСЛОЖЕНИЕ**

Аннотация. В статье на значительном историческом материале рассматривается проблема происхождения словообразовательных моделей сложных слов и влияния древнегреческого языка на древнерусское словосложение. Словосложение — древнейший и до сих пор весьма продуктивный способ словообразования. Наше обращение к древнегреческому оригиналу позволяет проникнуть в смысловые глубины древнерусских параллелей. Исследование древнерусских переводных памятников дало возможность установить ряд древнерусских моделей сложных слов, активность которых была в значительной мере стимулирована калькированием древнегреческих сложных слов. Широкое использование синонимии при калькировании, а также передача греческих сложных слов путём мены компонентов и образование русских сложных слов на месте греческих простых слов и словосочетаний свидетельствует о существовании в русском языке традиции словосложения, восходящей к глубокой древности.

Ключевые слова: словосложение, словообразовательная модель, калькирование, сложные слова-кальки, древнерусский язык, древнегреческий язык.

Словосложение относится к древнейшим и до сих пор весьма продуктивным способам словообразования. Выразительность формы дериватов, возможность максимальной экспликации значения, орнаментализации текста, создания яркой метафоричности делают этот способ словообразования чрезвычайно привлекательным для писателей и поэтов. В. В. Маяковский, обладавший блистательным талантом словотворчества, создал достаточно много эологизмов в области словосложения. Вспомним, например, «*каждое слово душу новородит*», «*крикогубый Заратустра*» («Облако в штанах»); «*массомаяся быкомордая орава*», «*в прогрызанной душе золотопым микробом вился рубль*» («Посвящение») и многие другие.

Вопрос о влиянии греческого языка (непосредственно или через старославянское посредство) на русское словосложение, особенно на уровне моделей, до сих пор остаётся открытым.

Под моделью мы здесь имеем в виду структурную схему построения производных слов. **Под сложным словом** мы понимаем лексему, формально и семантически мотивированную двумя (или более) самостоятельными словами и обладающую единством грамматического оформления.

В зависимости от способа словообразования мы выделяем следующие категории сложных слов: *сложения, сложносуффиксальные слова, сращения и суффиксальные сращения*. Сложениями называются слова, образованные путём сложения двух знаменательных слов при помощи соединительного гласного или (реже) без соединительного гласного; при этом одно из них (I-й компонент) выступает в виде чистой основы, а другое (II-й компонент) — в виде самостоятельного слова (*душеспаситель, богоизбранный, дятлотворити*). Сложносуффиксальными являются слова, образованные в результате одновременного действия словосложения и суффиксации (*правдолюбство, златоперный, благовѣстити*). Сращения представляют собой лексикализованные словосочетания (*присноживый, длзготрѣпѣти*). Суффиксальными сращениями (термин введён нами) называются слова, образованные путём одновременного действия сращения и суффиксации (*многострадалецъ, борзоходный*) [о критериях установления статуса сложного слова и типов сложных слов см. 12, 1, с. 53–69].

Как известно, сложные слова-кальки с греческого влились в русский язык через старославянское посредство при принятии христианства. Появившись первоначально в переводных памятниках, сложные слова-кальки проникали и в оригинальную литературу, оставаясь принадлежностью книжно-письменного языка. Вспомним высказывание Ф. П. Филина, великолепного знатока древнерусской литературы: «Самое начало древнерусской письменности и письменной культуры во всех её жанрах связано с перенесением на Русь богослужебно-религиозных книг» [17, с. 5]. Следует признать верным высказывание и другого блистательного учёного-филолога А. И. Соболевского: «... в первое время распространения у нас церковнославянских текстов русской оригинальной литературы совсем не существовало... и мы едва ли ошибёмся, если скажем, что даже к концу домонгольского периода собственно русские труды совершенно терялись в массе перенесённых из Болгарии текстов и по числу и по объёму едва ли были более 1/10 этих последних» [14, с. 364–365].

Таким образом, основу книжно-письменного языка Древней Руси составлял церковнославянский язык, подвергавшийся, как считал Б. А. Успенский, «в течение XI–XIV вв. постепенной и последовательной русификации» и, несмотря на это, отчётливо противопоставленный русскому некнижному

языку» [16, с. 3]. Н. И. Толстой убедительно доказывал, что церковнославянский (в терминологии Н. И. Толстого — древнеславянский) был общим литературным языком православного славянства вплоть до XVIII в. и при тяготении «к общей норме» и «общей стандартизованности» являлся живым и развивающимся средством выражения славянской культуры, существуя в форме «локальных вариантов или типов» [15].

Необходимо подчеркнуть, что сложные слова-кальки, перенесённые на древнерусскую почву из старославянских памятников, в структурном отношении тождественны тем, которые создавались в процессе собственных переводов. Эту же мысль высказал М. М. Копыленко: «Очень трудно (и вряд ли необходимо) провести различие между кальками, возникшими в пределах и за пределами восточнославянской ойкумены» [8, с. 142]. Правильность этого положения в полной мере подтверждается фактом большой близости исследованного нами старославянского материала [12, 1, с. 94–97; ср. также: 18, с. 186–189] и данных приведённого ниже исследования древнерусских переводов. Причём, в основном, тождественными оказываются и типы соотношений между словами-переводами и их греческими соответствиями. Весьма справедливым в связи с этим является высказывание Е. М. Верещагина: «Сознание славянского языкового единства (в отношении, по крайней мере, к церковнославянскому языку) сохранялось и в средние века. Южные славяне широко пользовались русскими книгами... На Руси были приняты южнославянские книжники («второе южнославянское влияние»)» [4, с. 10].

Итак, происходило ли в процессе калькирования заимствование словообразовательных моделей сложных слов из греческого языка или всё же возможность калькирования предполагала наличие на родной почве соответствующих моделей?

Как уже отмечалось выше, словосложение является одним из древнейших способов образования сложных слов в индоевропейских языках. Об этом свидетельствуют исследования сложных слов в праиндоевропейском языке [20], в классическом санскрите [6, с. 96–103], эпическом санскрите [9], немецком языке древневерхнемецкой эпохи [10] и др. В грамматике выдающегося древнеиндийского учёного Панини (V в. до н. э.), состоящей из восьми книг («Восьмикнижие»), классификации сложных слов посвящена вторая книга. Сложные слова были распространены и в праславянском языке [11]. «В образовании новых сложных слов применялись те же средства, какими пользовались славяне и в давнее время», — полагал А. М. Селищев [13, с. 82], блестящий знаток славянских языков и культуры *Slavia Orthodoxa*. Ещё раньше Ф. И. Буслаев, основоположник исторической грамматики русского языка, указывал на древнее, дохристианское, происхождение сложных слов в русском языке, таких, например, как *Дажь-богъ* [у восточных славян — «бог солнца и небесного огня»; ← 2 л. ед. ч. повелит. накл. гл. *дати* + *богъ*. — Н. Н.]; *Влади-миръ* [← 2 л. ед. ч. повелит. накл. гл. *владѣти* + *миръ*. — Н. Н.]; *Перея-славъ* [← 3 л. ед. ч. аориста гл. *перяяти* + *слава* «*тот, кто перяял* («завоевал в поединке») *славу*». — Н. Н.], «Остатками глубокой древности» учёный называл сложные слова *бѣлобрыси* [← *бѣла* + *бры* («бровь») «*имеющий белые брови*». — Н. Н.]; *мед-в-тѣдь* (морфемное членение Ф. И. Буслаева); *стрѣмглавъ* [← *стрѣмитися* + *глава*. — Н. Н.]. Ф. И. Буслаев отмечал, что значительное количество сложных слов, переведённых с греческого, вошло в русский язык при принятии христианства. Однако, полагал Ф. И. Буслаев, параллельно употреблялись слова «чисто русского сложения» (*Держи-славъ, злато-кованный, душе-грѣйка, ноч-легъ* и др.) [3, с. 170–171].

Как известно, наиболее распространёнными и продуктивными моделями сложных слов в восточнославянских языках являются модели с соединительным гласным -о- (-е-) [о соединительном гласном см.: 12, 1, с. 283–287]. Сложные слова без соединительного гласного являются преимущественно более древними образованиями.

Вопрос о происхождении моделей сложных слов может быть рассмотрен на материале переводных памятников путём сличения с греческим оригиналом. Обследование переводных памятников XI–XIV в. — Хроники Георгия Амартола (далее — Г. Амарт.), Ефремовской кормчей (Ефр.крм.), Древнерусской Пчелы (П.) и XIII слов Григория Богослова по рукописи XI в. (ГБ) [7; 2; 1; ср.: 5] — позволило установить, что значительное количество выявленных сложных слов представляют собой кальки с греческого языка. Большинство из них характеризуются первыми компонентами *благо-* // *добро-* // *удобь-* (εὖ-), *бogo-* (θεο-), *всье-* (παν-), *зъло-* (κακο-), *мъногo-* (πολυ-), *веле-* // *велико-* (μεγαλο-), *кумиро-* // *идоло-* (εἰδωλο-), *нище-* // *убого* (πτωχο-), *себе-* // *само-* (αὐτο-) и др.

В ряде случаев лишь сличение с греческим оригиналом дало возможность определить лексический статус образований. Это относится, прежде всего, к сложным глаголам с первыми субстантивными и адвербиальными компонентами. Действительно, исходя из русского рукописного текста, не делившегося, как известно, вплоть до XVI в. на слова, трудно установить, являются ли сложными словами такие образования, как, например, *благо()**дарьствовати*, *благо()**вътьствовати*, *благо()**сздѣлати*, *добро()**мыслити*, *мимо()**ити*, *мимо()**ходити* и др. Обращение к параллельному греческому тексту помогло установлению их истинного статуса: ср. *благодарьствовати* — εὐχαριστέω (Г. Амарт., 299, 29), *благовътьствовати* — εὐαγγελίζομαι (Ефр.крм., 70а), *благосздѣлати* — εὐεργετέω (ГБ, 329δ), *добромыслити* — εὐνοέω (П., 12 об.), *мимоити* — παρέρχομαι (Г. Амарт., 185, 22).

Сопоставление с греческим оригиналом выявило также, что слова с компонентами *прежде-* // *преже-*, *неудобь-*, *противу-* // *супротивъ(о)-* не относятся к сложным словам в традиционном понимании, т. к. соотносятся с греческими приставками: *прежде-* // *преже-* — προ- (*прежевъзмъщати* — προχωρεῖν (Ефр.крм., 295б)), *неудобь-* — δυσ- (*неудобьпостижьньи* — δυσέπιχτος (Ефр.крм., 232а)), *противу-* // *супротивъ(о)-* — ἀντι- (*супротивъхътрыць* «*соперник по ремеслу*» — ἀντίτεχρος (ГБ, 35γ)).

Калькируя греческие сложные слова, русский переводчик максимально использовал лексическое и аффиксальное богатство своего родного языка. С этим связано довольно значительное синонимическое варьирование как в первой части сложных слов, так и во второй.

Так, греческий компонент *εὐ-* передается русскими *благо-*, *добро-*, *скоро*: *εὐεργέτης* — *благодетель* (ГБ, 65β), *добродетель* (Г.Амарт., 333, 11); *εὐσέβεια* — *добročыстие* (ГБ, 241β), *благочыстие* (ГБ, 23δ); *εὐταξία* — *добročинение* (Ефр.крм., 2а), *благочинение* (Ефр.крм., 273а); *εὐπίστος* — *скороверный* (ГБ, 262γ), *εὐφώρατος* — *скороразумеый* (П., 90). В одном случае *εὐ-* переведено компонентом *красно-* в значении («красивый»): *εὐστερνος* (στέρνον, τό «грудь») — *краснопърсыцъ*: *Μυζή* же *κраснопърсецъ* и *дивенъ* (Г.Амарт., 428, 30). В ряде случаев в соответствии с синонимичными *добро-* и *благо-* в греческом языке выступают разные слова: *доброволение* — *ἀρετή* (ГБ, 294δ), *благоволение* — *εὐεργεσία* (ГБ, 326α; Г.Амарт., 128, 13).

Греческие *καλο-*, *ἀγαθο-* переводятся преимущественно компонентом *добро-* и лишь в одном случае *благо-*.

Греческому *πτωο-* (πτωρός «нищий, бедный») соответствуют русские синонимичные компоненты *нище-*, *убого-*: *πτωχοτρόφος* — *нищекормильцъ* (Ефр.крм., 295а), *πτωχοτροφία* — *убогокърмля* (ГБ, 293а), *πτωχομαγίστρος* — *убогомагистръ* (Г.Амарт., 510, 9).

Греческое *ἱερο-* передается синонимами *чисто-*, *священно-*: *ἱεροπρετής* — *чистолъпный* (Ефр.крм., 118а), *священнолпный* (там же, 120а).

Греческому *εἰδωλο-* соответствуют *идоло-*, *кумиро-*, *капище-*: *εἰδωλόλατρης* — *идолослужение* (Ефр.крм., 193а), *кумирослужение* (Г.Амарт., 60, 25), *капищетворение* (ГБ, 17δ).

Компонент *αὐτο-* (αὐτε-) переводится и как *само-*, и как *себъ-*: *αὐτόνομος* «живущий по собственным законам, независимый» — *самовластный* (П., 110 об.), *αὐτεξούσιος* — *себевластный* (там же).

Во второй части сложных слов также наблюдается синонимичное варьирование: *ζωοφθορία* (ζῷον «животное», φθείρω «убивать, губить») — *скотоблудство* (Ефр.крм., 241а), *скоторастльные* (там же); *ὁμογεής*, *ὁμογένης* (ὁμός «равный, одинаковый», γένος «род, племя») — *единородный* (Г.Амарт., 232, 24), *единочадный* (Г.Амарт., 355, 20); *ὁμόφυλος* (φυλή «род, племя») — *единоколпный* (Г.Амарт., 277, 18), *единоплеменный* (Г.Амарт., 562, 24); *τόποτηρητής* (τόπος «место», τηρέω «хранить, беречь») — *землесмотрный* (Г.Амарт., 462, 22), *землехранитель* (там же, 344, 8); *εἰδωλόθυτον* (θύω «приносить жертву») — *идоложъреныи* (Ефр.крм., 277а), *идоложъртвеныи* (там же, 87б); компоненту *-μαχος* соответствуют русские *-борьникъ*: *θεομάχος* — *богоборьникъ* (ГБ, 155γ); *-κρამολъникъ*: *χριστομάχος* — *святокрამольникъ* (Г.Амарт., 480, 4); *-хульникъ*: *εἰκωνομάχος* — *иконохульникъ* (Г.Амарт., 494, 21).

Обращение к греческому оригиналу позволяет проникнуть в смысловые глубины русских параллелей, что помогает также лексикографам при выработке толкований слов в исторических словарях [19, с. 201–210].

Ещё более многочисленны случаи словообразовательной синонимии.

Под словообразовательными синонимами мы имеем в виду производные слова, обладающие формально-семантическим единством производящих основ и различающиеся синонимичными словообразовательными аффиксами.

Для большей наглядности представляем материалы в таблице.

Греческий язык	Русский язык
εὐλάβεια «осторожность, предусмотрительность»	благобязнь (ГБ, 208α) благобязньство (Ефр.крм., 225б)
εὐποιία (ποιέω «делать»)	добртворие (Ефр.крм., 89а) добртворение (П., 24)
καθημερινός (ἡμέρα «день»)	вьседньныи (П., 134 об.) вьседневныи (Ефр.крм., 133б)
μεγαλοπρετής (πρεπω «быть приличным, пристойным»)	велелъпотный (Ефр.крм., 36а) велелъпныи (Г.Амарт., 559, 13)
εὐσεβής (σεβας «почитание, уважение»)	благочытивыи (Ефр.крм., 1а; П., 68) благочытивныи (Г.Амарт., 380, 4)
ἰσοουσία (οὐσία «сущность»)	единосущныи (Г.Амарт., 323, 15) единосущствъныи (Ефр.крм., 284а)
σωφροσύνη (σῶς «целый, здравый, невредимый»; φρόνιμος «разумный, умный, благоразумный»)	цѣломудрие (П., 71, Ефр.крм., 234б) цѣломудръство (Ефр.крм., 44а)
В пределах одного памятника	
σωφρονεῖν	цѣломудровати (П., 12 об.) цѣломудрити (там же, 108) цѣломудръствовати (там же, 120)
μικρολόγος»	малословьцъ (ГБ, 14δ) малословьсьникъ (там же, 29β)
μεγαλοурγία (ἔργον «дело, труд, работа»)	великодълание (ГБ, 154β) великосдълание (там же, 331β)

Греческий язык	Русский язык
μεγαλόφρων	высокомысленный (ГБ, 57δ) высокозамысленный (там же, 50γ)
ἀξιόλογος (ἄξιος «достойный»)	достолюбынный (Ефр.крм., 178б) достоинсловесный (там же, 183б)
θεοσέβεια	богочестие (Ефр.крм., 274а) богочестивие (там же, 218а)
νομοθεσία (νόμος «закон», θέσις «положение, постановление»)	законодательство (Г.Амарт., 231, 23) законодательство (там же, 176, 7) законодательство (там же, 456, 12)
εἰδωλομανία (μανία «бешенство, сумасшествие»)	идололюбие (Г.Амарт., 311, 8) идололюбование (там же, 149, 23) идололюбование (там же, 61, 24)
πολυθεία	многобожество (Г.Амарт., 28, 19) многобожество (там же, 354, 25)
ψυχροποσία (ψυχρός «холодный», πόσις «питье»)	студенопитие (Г.Амарт., 426, 6) студенопитие (там же, 292, 4)
χειροτονία (χειρ «рука», τόνος «натягивание, напряжение»)	рукоположение (Г.Амарт., 369, 15) рукоположение (там же, 392, 22) руководствование (там же, 477, 23)

О том, что в лингвистическом сознании переводчика существовали модели сложных слов, наиболее ярко свидетельствуют случаи передачи греческих сложных слов не путём калькирования, а путёммены компонентов, а также перевода греческих простых слов и словосочетаний при помощи русских сложных слов.

Так, для русского языка были характерны сложные слова с препозицией компонента, выражающего объект действия, названного вторым компонентом. Это очень древняя модель сложного слова (ср. в новгородских грамотах *земледържьць*, *плодородие* и др.; хотя: *Переяславъ*, *Держиславъ* и др.). В греческом языке, наоборот, в препозиции чаще выступает компонент со значением действия. Ср. *μισάνθρωπος* — *человеконенавидяць* (П., 23 об.), *μνησικαχία* — *злупоминание* (Ефр.крм., 239а) и др.; в единственном случае: *μισανθρωπία* — *ненависточеловечьи* (ГБ, 17δ).

Особо следует выделить сложные слова с компонентом *φιλο-* (*любо-*, *люб-*). В этой группе нет ортодоксальной последовательности в позиции указанного компонента: он оказывается то в препозиции, то в постпозиции, как в греческом языке, так и в русском. Ср. *φιλόθεος*, *θεοφιλής* (*боголюбивый*). В рассмотренных текстах сложные слова с первым компонентом *φιλο-* чаще передаются путеммены компонентов, хотя отмечаются случаи калькирования, а также использования словосочетания и даже простого слова: *φιλοτιμία* — *честолубие* (Ефр.крм., 121б), *любочестие* (Г.Амарт., 75, 3), *чсть и любовь* (Г.Амарт., 143, 3), *любовна чсть* (Г.Амарт., 191, 11), *почсть* (ГБ, 26γ); *φιλάμαρτος* (*ἀμαρτάνω* «грешить») — *грѣхлюбяць* (Г.Амарт., 118, 20), *любя грѣха* (Г.Амарт., 395, 64); *φιλανθρωπία* — *человѣколюбие* (ГБ, 77α), *любочеловѣчьство* (ГБ, 8α); *φιλοδοξία* — *славолюбие* (Г.Амарт., 239, 3; П., 114 об.; Ефр.крм., 238б), *любославие* (Г.Амарт., 247, 21); *φιλοσοφία* — *мудролюбие* (П., 27), *любомудрие* (П., 53); *φιλόλογος* — *славолюбяць* (Г.Амарт., 30, 5), *любяй словеса* (ГБ, 57β).

Представляет интерес случай передачи греческих компонентов *-πονος*, *-πονία* (*πονέω* «делать, работать») при помощи синонимичных в данном контексте *трудо-*, *страда-* (ср. *страда* «тяжёлая летняя работа при косьбе, уборке хлеба»), что говорит о соединении в сознании русского переводчика понятий «труд» и «страдание»: ср. *φιλόπονος* — *трудолюбивый* (Ефр.крм., 222б), *страдалюбяць* (П., 88), *φιλοπονία* — *трудолюбие* (Ефр.крм., 222б), *страдалюбие* (П., 87).

В рассмотренных текстах довольно многочисленны факты употребления сложных слов на месте греческих простых:

Русский язык	Греческий язык
<i>прелюбодѣи</i> (Г.Амарт., 421, 13) <i>прелюбодѣиникъ</i> (там же, 68, 9)	μοιχός
<i>прелюбодѣяти</i> (Ефр.крм., 192б)	μοιχᾶσθαι
<i>прелюбодѣиница</i> (Ефр.крм., 188а) <i>прелюбодѣица</i> (Г.Амарт., 402, 4)	μοιχαλῆς
<i>любодѣяние</i> (Г.Амарт., 473, 7) <i>прелюбодѣяние</i> (там же, 474, 1)	πορνεία («блуд»)
<i>благодѣтие</i> (Г.Амарт., 390, 19)	χάρισμα («милость, дар»)
<i>благородѣство</i> (П., 89)	δόξα («слава, мнение»)
<i>благоумѣство</i> (ГБ, 115δ)	ἐργασία («дело, труд»)
<i>богословие</i> (Г.Амарт., 222, 13)	δόγμα (позд. «философское учение»)
<i>нищекърмительныи</i> (Ефр.крм., 10а)	πτωχεία («нищета»)

Русский язык	Греческий язык
<i>нравоучѣнь</i> (Ефр.крм., 240а)	ἠθικός (« <i>нравственный</i> »)
<i>огнежьжение</i> (Г.Амарт., 158, 8)	πυρετός (« <i>лихорадка, горячка</i> »)
<i>православие</i> (Г.Амарт., 533, 19)	πρωτέρμα (« <i>преимущество, превосходство</i> »)
<i>смѣхотравникъ</i> (Г.Амарт., 952, 21)	γότης (« <i>плакальщик, колдун</i> »)
<i>устобѣдствѣ</i> (Г.Амарт., 72, 24)	στωμολία (« <i>болтливость, словоохотливость</i> »)

Следует отметить случаи перевода ряда греческих простых слов при помощи одного сложного слова: *благодать* — χάρις (ГБ, 1δ; Г.Амарт., 256, 7; П., 28; Ефр.крм., 243а); χάρισμα (Г.Амарт., 280, 4), ἀγαθός (П., 1), ἀγαθότης (Ефр.крм., 229б); *душегубный* — βλαβερός («*вредный, пагубный*») (Ефр.крм., 185а); σφαλερός («*рискованный, опасный*») (там же, 112а).

Одно и то же простое греческое слово могло передаваться разными русскими сложными словами и даже словосочетаниями; например: ἀρετή — *благодѣяние* (П., 53); *благоугодие* (там же, 5), *добръ нравъ* (ГБ, 14δ), *нравъ благъ* (там же, 10α).

Нередки случаи, когда русскому сложному слову соответствуют как простое, так и сложное греческое слово, например:

Русский язык	Греческий язык
<i>милосѣрдие</i>	εὐσπλαγχνία (Ефр.крм., 182б) σπλάγχχον (« <i>самое дорогое</i> ») (ГБ, 53γ)
<i>правовѣрныи</i>	ὀρθόδοξος (Ефр.крм., 90а) ὀρθός (там же, 305б)
<i>благодѣяние</i>	ἀγαθοεργίη (Ефр.крм., 23а) εὐχαριστία (ГБ, 240β) εὐεργεσία (там же, 156β) ἀρετή (П., 53)
<i>велемудръ</i>	σεμνός (« <i>почтенный</i> ») (Г.Амарт., 227, 12) μεγαλόφρων (« <i>имеющий возвышенный образ мыслей</i> ») (там же)
<i>нищезѣрмъць</i>	πτωχοτρόφος (Ефр.крм., 33а) πτωχεία (« <i>нищета</i> ») (там же, 295а)

В рассмотренном материале наблюдаются факты передачи греческих словосочетаний при помощи русских сложных слов, например: *добронравие* (ГБ, 12γ) — τό καλόν ἔξις (καλός «*хороший*», ἔξις «*имение чего-либо, обладание чем-либо*»); *мясораздробление* (Г.Амарт., 244, 4) — κρέων κατακοπή (κρέας «*мясо*», κατακόπτω «*разрубать мясо*»); *руководѣвание* (Г.Амарт., 176, 2) — χειρῶν ἔκτασις (χείρ «*рука*», ἔκτασις «*вытягивание*») и др.

Исследование древнерусских переводных памятников позволило сделать следующие выводы:

1. В русском языке существовали модели сложных слов, активность которых была в значительной мере стимулирована калькированием греческих сложных слов.

2. Широкое использование синонимии при калькировании, а также передача греческих сложных слов путём мены компонентов и образование русских сложных слов на месте греческих простых слов и словосочетаний свидетельствует о существовании в русском языке традиции словосложения, восходящей к глубокой древности.

Литература

1. Бенешевич В. Н. Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований / В. Н. Бенешевич. — СПб., 1906–1907. — Т. 1. — VIII, 840 с.
2. Будилович А. С. Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи Императорской публичной библиотеки XI века / А. С. Будилович. — СПб., 1871. — 154 с.
3. Буслев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслев. — М.: Учпедгиз, 1959. — 623 с.
4. Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия / Е. М. Верещагин. — М.: Изд-во МГУ, 1971. — 255 с.
5. Вялкина Л. В. Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. / Л. В. Вялкина // Лексикология и словообразование древнерусского языка. — М.: Наука, 1966. — С. 164–188.
6. Димри (Варанаш) Д. П. Панини и его «Восьмикнижие» / Джагдиш Прасад Димри (Варанаш) // Народы Азии и Африки. — 1973. — № 6. — С. 96–103.
7. Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе / В. М. Истрин. — Ленинград: Изд-во АН СССР, 1920 — 1930. — Т. 1–3.
8. Копыленко М. М. О греческом влиянии на язык древнерусской письменности / М. М. Копыленко // Русская речь. — 1969. — № 5. — С. 286–291.
9. Кочергина В. А. Словообразование санскрита: (Префиксация и основообразование) / В. А. Кочергина. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 206 с.
10. Кускова Н. С. Именные сложения древневерхненемецкой эпохи как структурные единицы и как средства номинации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. С. Кускова. — М., 1972. — 46 с.
11. Мейе А. Общеславянский язык / Антуан Мейе. — М.: Изд-во иностр. лит., 1951. — XIV, 492 с.
12. Низаметдинова Н. Х. Словообразование сложных слов в русском языке XI–XVII в.: дис. ... д-ра филол. наук / Н. Х. Низаметдинова. — М., 2003. — Кн. I. — 375 с.; Кн. II. — 386 с.
13. Селищев А. М. Старославянский язык / А. М. Селищев. — М.: Учпедгиз, 1952. — Ч. II. — 207 с.
14. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. — СПб., 1903. — VIII, 460 с.

15. Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков / Н. И. Толстой. — М.: Наука, 1988. — 239 с.
16. Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и её значение для истории русского литературного языка / Б. А. Успенский. — М.: Изд-во МГУ, 1983. — 144 с.
17. Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: (по материалам летописей) / Ф. П. Филин // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. — М., 1948. — Вып. 1. — С. 171–175.
18. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка: (опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI в.) / Р. М. Цейтлин. — М.: Наука, 1977. — 336 с.
19. Чернышёва М. И. Роль греческих параллелей в лексикографической практике: отбор и подача слов греческого происхождения в Словаре русского языка XI–XVII в.в. / М. И. Чернышёва // Теория и практика русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984. — С. 201–210.
20. Lehmann W. P. Proto-Indo-European compounds in relation to other Proto-Indo-European Syntactic patterns / W. P. Lehmann // Acta linguistica Hafniensia. — 1969. — Vol. 12, N 1.

References

1. Beneshevich V. N. Drevne-slavjanskaja kormchaja XIV titulov bez tolkovanij / V. N. Beneshevich. — SPb., 1906–1907. — Т. 1. — VIII, 840 s.
2. Budilovich A. S. Issledovanie jazyka drevneslavjanskogo perevoda XIII slov Grigorija Bogoslova po rukopisi Imperatorskoj publichnoj biblioteki XI veka / A. S. Budilovich. — SPb., 1871. — 154 s.
3. Buslaev F. I. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka / F. I. Buslaev. — М.: Uchpedgiz, 1959. — 623 s.
4. Vereshhagin E. M. Iz istorii vozniknovenija pervogo literaturnogo jazyka slavljan. Perevodcheskaja tehnika Kirilla i Mefodija / E. M. Vereshhagin. — М.: Izd-vo MGU, 1971. — 255 s.
5. Vjalkina L. V. Grecheskie paralleli slozhnyh slov v drevnerusskom jazyke XI–XIV v.v. / L. V. Vjalkina // Leksikologija i slovoobrazovanie drevnerusskogo jazyka. — М.: Nauka, 1966. — С. 164–188.
6. Dimri (Varanash) D. P. Panini i ego «Vos'miknizhie» / Dzhagdish Prasad Dimri (Varanash) // Narody Azii i Afriki. — 1973. — № 6. — С. 96–103.
7. Istrin V. M. Hronika Georgija Amartola v drevnem slavljanorusskom perevode / V. M. Istrin. — Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1920 — 1930. — Т. 1–3.
8. Kopylenko M. M. O grecheskom vlijanii na jazyk drevnerusskoj pis'mennosti / M. M. Kopylenko // Russkaja rech'. — 1969. — № 5. — С. 286–291.
9. Kochergina V. A. Slovoobrazovanie sanskrita: (Prefiksacija i osnovoslozhenie) / V. A. Kochergina. — М.: Izd-vo MGU, 1990. — 206 s.
10. Kuskova N. S. Imennye slozhenija drevneverhnenemeckoj jepohi kak strukturnye edinicy i kak sredstva nominacii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / N. S. Kuskova. — М., 1972. — 46 s.
11. Meje A. Obshheslavjanskij jazyk / Antuan Meje. — М.: Izd-vo inostr. lit., 1951. — XIV, 492 s.
12. Nizametdinova N. H. Slovoobrazovanie slozhnyh slov v russkom jazyke XI–XVII v.v.: diss. ... d-ra filol. nauk / N. H. Nizametdinova. — М., 2003. — Kn. I. — 375 s.; Kn. II. — 386 s.
13. Selishhev A. M. Staroslavjanskij jazyk / A. M. Selishhev. — М.: Uchpedgiz, 1952. — Ch. II. — 207 s.
14. Sobolevskij A. I. Perevodnaja literatura Moskovskoj Rusi XIV–XVII v.v. — SPb., 1903. — VIII, 460 s.
15. Tolstoj N. I. Istorija i struktura slavljanikh literaturnyh jazykov / N. I. Tolstoj. — М.: Nauka, 1988. — 239 s.
16. Uspenskij B. A. Jazykovaja situacija Kievskoj Rusi i ejo znachenie dlja istorii russkogo literaturnogo jazyka / B. A. Uspenskij. — М.: Izd-vo MGU, 1983. — 144 s.
17. Filin F. P. Leksika russkogo literaturnogo jazyka drevnekievskoj jepohi: (Po materialam letopisej) / F. P. Filin // Doklady i soobshhenija Instituta russkogo jazyka AN SSSR. — М., 1948. — Вып. 1. — С. 171–175.
18. Cejtlin R. M. Leksika staroslavjanskogo jazyka: (Opyt analiza motivirovannyh slov po dannym drevnebolgarskih rukopisej X–XI v.v.) / R. M. Cejtlin. — М.: Nauka, 1977. — 336 s.
19. Chernyshjova M. I. Rol' grecheskih paralelej v leksikograficheskoj praktike: Othor i podacha slov grecheskogo proishozhdenija v Slovare russkogo jazyka XI–XVII v.v. / M. I. Chernyshjova // Teorija i praktika russkoj istoricheskoi leksikografii. — М.: Nauka, 1984. — С. 201–210.
20. Lehmann W. P. Proto-Indo-European compounds in relation to other Proto-Indo-European Syntactic patterns / W. P. Lehmann // Acta linguistica Hafniensia. — 1969. — Vol. 12, N 1.

НИЗАМЕТДИНОВА Надіря Хом'ятівна,

доктор філологічних наук, професор кафедри історії російської мови та загального мовознавства Московського державного обласного університету; Москва, Росія;
e-mail: n3@list.ru; tel.: 007 499 3235047; моб.: +7 8 916 9509083

ДО ПИТАННЯ ПРО ВПЛИВ ГРЕЦЬКОЇ МОВИ НА РОСІЙСЬКЕ СЛОВОСКЛАДАННЯ

Анотація. У статті на значному історичному матеріалі розглянуто проблему походження словотвірних моделей складних слів і впливу давньогрецької мови на давньоруське словоскладання. Словоскладання — найдавніший і досі вельми продуктивний спосіб словотвору. Наше звернення до давньогрецького оригіналу дозволяє проникнути у смислові глибини давньоруських параллелей. Дослідження давньоруських переказних пам'яток дає можливість встановити ряд давньоруських моделей складних слів, активність яких була значною мірою стимульована калькуванням давньогрецьких складних слів. Широке використання синонімії при калькуванні, а також передача грецьких складних слів шляхом міні компонентів і виникнення російських складних слів на місці грецьких простих слів і словосполучень свідчить про існування в російській мові стародавньої традиції словоскладання.

Ключові слова: словоскладання, словотвірна модель, калькування, складні слова-кальки, давньоруська мова, давньогрецька мова.

Nadiria H. NIZAMETDINOVA,

Doctor of Philological Sciences, Professor of the History of Russian Language and General Linguistics Department, Moscow State Regional University; Moscow, Russia;
e-mail: n3@list.ru; tel.: 007 499 3235047; моб.: +7 8 916 9509083

ON THE INFLUENCE OF GREEK INTO RUSSIAN COMPOUNDING

Summary. The article on significant historical material addresses the problem of the origin of word-formation models of compound words and the influence of the Greek language in the Old Russian compounding. Compounding is one of the oldest and still very productive way of word formation. Our reference to the Ancient Greek originals penetrates the depth of meaning of ancient parallels. The study of Old Russian translated manuscripts enables to determine a number of ancient models of compound

words, the activity of which was greatly stimulated by tracings of the Greek compound words. The widespread use of synonymy in modeling words, and the transfer of the Greek compound words by translating of every component and forming of Russian compound words instead of simple Greek words and phrases indicate the existence of a Russian language compounding ancient tradition.

Key words: word composition, derivational model, translation loan-word, constructions after foreign patterns, the Old Russian language, the ancient Greek language.

Статью отримано 29.01.2014 р.

УДК 811.161.1'373.424'01

ЗАРИПОВА Анна Рифовна,

аспирант Южного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: anna_zaripova@mail.ru; моб.: +7 8 950 8625089

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СУДЬБА» В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (на примере слов *суд* и *судьба*)

Аннотация. В статье рассматриваются основные представления о судьбе в древнерусском языке. Эти представления реализуются в семантической структуре слов, входящих в состав лексико-семантической группы (ЛСГ) «судьба». Рассматриваются слова *судьба*, *судъ*, *провѣдъ*, *проповѣдъ*, *проуставление*, *проуставъ*, *провидѣние*, *провѣдѣние*, в семантике которых воплощается представление о судьбе как о Божественном замысле. Основное внимание в статье уделяется анализу семантической структуры слов *суд* и *судьба*, которые являются доминантными словами группы. Делается вывод, что слова ЛСГ «судьба» в древнерусском языке отражали христианскую систему ценностей.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа «судьба», историческая лексикология, древнерусский язык, семантическая структура слова.

*Но раз есть нечто такое, что движет всем,
и в то же время непознаваемое, это есть судьба.*
А. Ф. Лосев [2, с. 28].

*...Бог есть, в конце концов, Судьба
для каждого человека и для каждой вещи.*
А. Ф. Лосев [2, с. 30].

Одним из ключевых фрагментов русской языковой картины мира является фрагмент, касающийся представлений о контролируемости событий человеческой жизни высшей силой. Представления эти в общих чертах отражаются в семантике лексемы *судьба*. По утверждению В. И. Постоваловой, «судьба относится к числу древнейших ключевых слов нашей культуры, которые, несмотря на смену представлений человека о мире, а также изменений в самом мире и в самом человеке, упорно не хотят исчезать из языка и смыслового пространства культуры» [4, с. 207].

Чрезвычайно ёмкое понятие судьбы находит воплощение в значениях слов лексико-семантической группы (ЛСГ) «судьба», состав и семантическое наполнение которой менялось на протяжении веков. ЛСГ «судьба» в древнерусском языке включала в себя такие лексемы, как *судьба*, *судъ*, *провидѣние*, *провѣдѣние*, *промыслъ*, *промыслениѣ*, *промыслиа*, *предопредѣление*, *рокъ*, *жребий*, *часть*.

Цель настоящей статьи, выполненной на основе данных исторических лингвистических словарей и толковых словарей современного русского языка, состоит в общей характеристике ЛСГ «судьба» в древнерусском языке на примере анализа семантической структуры составляющих её ядро слов *суд* и *судьба*.

Семантическое развитие слов данной группы происходило в истории русского языка в соответствии с двумя основными воззрениями на судьбу. Во-первых, судьбой представлялась некая Божественная идея — единственная, всезнающая и всеобъемлющая, некий Божественный замысел о мире и о каждом человеке, то, что является первопричиной всего сущего. Это представление воплотилось в древнерусском языке в синонимическом ряде таких слов, как *судьба*, *судъ*, *провидѣние*, *провѣдѣние*, *промыслъ*, *промыслениѣ*, *промыслиа*, *предопредѣление*, *рокъ*. Во-вторых, судьба — результат творения этой высшей идеи, та форма, которую принимает человеческая жизнь в процессе Божественного промысла (*жребий*, *часть*).

Второе представление о судьбе в древнерусском языке воплощалось в семантике заимствованной из старославянского языка лексемы *жребии*.

Если обратиться к этимологии данной лексемы, то станет ясно, что она имеет в своей семантике указание на процесс отделения. П. Я. Черных возводит слово к общеславянскому *žerbъ — ‘не-что отрезанное, отрезок’. В соответствии с этой версией можно предположить, что первоначальным